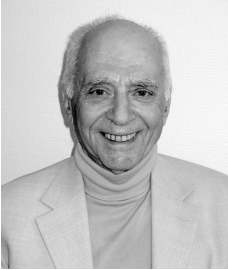

Институты власти должны открыться
гуманитарным наукам

А.А. Галкин, доктор исторических наук

Оба доклада, безусловно, заслуживают самой высокой оценки. Они написаны умными, талантливыми людьми, много знающими и имеющими свою, оригинальную позицию. Мне, лично, существенно ближе точка зрения, которую отстаивает Степан Степанович Сулакшин. Можно соглашаться или не соглашаться с отдельными пассажами, которые содержатся в его докладе. Однако содержательный стержень доклада заслуживает всяческой поддержки. Доклад Вадима Михайловича Межуева — при всех его положительных качествах — к теме нашего обсуждения имеет весьма косвенное отношение. Это прекрасный доклад науковедческого характера, заслуживающий всестороннего обсуждения, но на другом семинаре и в другой аудитории.

Мы собрались здесь, чтобы обсудить актуальную проблему, имеющую сугубо прикладной характер — отношения гуманитарной науки и политики в нынешних условиях и в конкретной стране — России. Проблема эта остро стояла всегда — на протяжении всей письменной истории человечества. Ей, как известно, занимались и Сократ, и Платон, и Аристотель, и Гоббс, и Маккиавели и т. д. и т. п. Поэтому очень велик соблазн придать нашему разговору историко-теоретический характер. Этого хотелось бы, по возможности, избежать. Пусть лучше лекции на эту тему читают студентам философских и политологических факультетов. Мы же, как мне представляется, должны найти и сформулировать ответ на очень конкретную группу вопросов: почему у

нас, в нынешних условиях отношения между гуманитарной наукой и властью складываются не лучшим образом и что нужно сделать, чтобы изменить эту ситуацию.

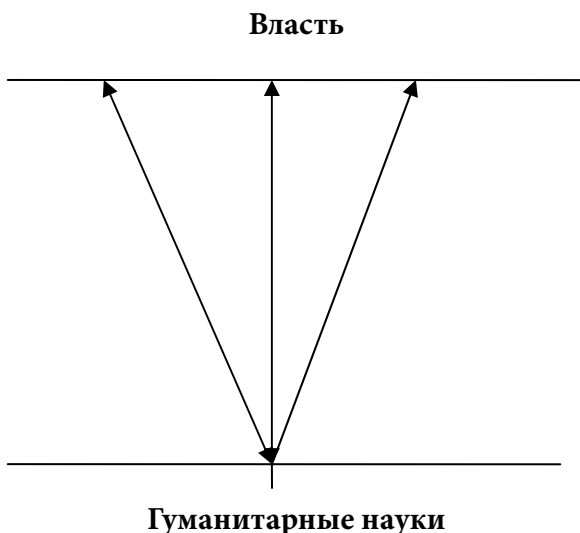
С.С. Сулакшин посвятил свой доклад тому, как стимулировать ориентацию гуманитарной науки на решение проблем, представляющих интерес с точки зрения институтов власти. Это вполне оправданная ориентация. Но существует и другая сторона дела — как сделать так, чтобы институты власти в гораздо большей степени открылись гуманитарным наукам, интересовались их выводами, считались с предлагаемыми ими рекомендациями.

Тема эта весьма многогранна и заслуживает подробного разговора. В данном случае остановлюсь лишь на одном ее аспекте.

Субъекты отношений власть — гуманитарная наука я определяю так, как это обычно делается при политологическом анализе. Власть — это, прежде всего, группы людей, принимающие политические решения, имеющие общегосударственное значение, и, соответственно, политические институты, реализующие эти решения. Гуманитарные науки — это комплекс наук о человеке, о его социальных связях, основанных на них групповых структурах и о человеческом сообществе в целом.

Гуманитарным наукам, как и науке в целом, свойственно стремление реализовать добытые знания. Отсюда и их стремление в той или иной мере воздействовать на власть. При этом они руководствуются, главным образом, сугубо рациональными соображениями. Власть же при принятии решений исходит не только (и, нередко, не столько) из рациональных соображений, сколько из совокупности групповых интересов, стремления сохранить завоеванные позиции, собственном представлении о происходящем, из эмоциональных порывов и т. д. Отсюда нередкие коллизии между субъектами рассматриваемых отношений.

Чисто абстрактно, гуманитарные науки могут влиять на власть трояко (см. рисунок)

Во-первых, они снабжают ее новыми общими знаниями, поставляя тем самым дополнительные аргументы для господствующей идеологии. Эту форму влияния власть принимает сравнительно охотно, поскольку идеология — это необходимая для любого общества форма упорядочения обыденного сознания, помогающая осуществлять властные функции.

Разумеется, идеология это не наука, хотя и любит наряжаться в научные одежды. Согласно известной классической оценке, это форма ложного сознания, поставленная на службе интересов. Тем не менее, в ее основе должен наличествовать некий комплекс научных или квазинаучных знаний.

Во-вторых, они предлагают инструментарий, обеспечивающий и облегчающий реализацию власти. На этом, собственно, и держалась вся классическая политология с момента ее возникновения. Эту функцию гуманитарных наук власть воспринимает, как правило, весьма настороженно; ей она, чаще всего, представляется посягательством на ее собствен-

ные компетенции. Вообще поучения, особенно поступающие снизу, обычно не вызывают особого восторга.

Наконец, в-третьих, гуманитарные науки поставляют власти комплекс знаний о состоянии общества и, соответственно, пытаются дать рекомендации, как действовать в этих условиях. Если это состояние устраивает власть, она относится к подобным рекомендациям благожелательно и даже готова терпеть гуманитарные науки. Однако, если получаемая информация власть не устраивает, эти науки «по головке не гладят».

В докладах, представленных нам, много говорится о недостатках и просчетах гуманитарных наук. Для этого, разумеется, есть свои, вполне достаточные основания. Но я бы не стал мазать все наши гуманитарные науки одной черной краской. У них есть и определенные достижения.

Может быть, стоит обратить внимание и на то, как относятся к гуманитарным наукам и к их рекомендациям нынешние российские властные структуры. Эти науки, видимо, нужны власти для того, чтобы говорить ей приятные и очень приятные слова. Для этого создается прирученное, квазинаучное окружение. Нормальные независимые науки в лучшем случае терпят. В худшем — посылают подальше.

В этом таится очень серьезная опасность — в том числе и для самой власти. Не зная объективной ситуации или сознательно игнорируя ее, невозможно принимать необходимые решения и контролировать обстановку. Это чревато самыми негативными последствиями — особенно в нынешних условиях, перед лицом грозных вызовов XXI в.

Можно ли исправить сложившееся положение? В докладе С.С. Сулакшина содержится ряд конкретных предложений. Представляется, что к ним следовало бы прислушаться.